

Дмитрий Пинегин

О ТРОЛЛЯХ,
ГОБЛИНАХ И ЛЮДЯХ

Книга первая. Семь лет и семь
месяцев

Дмитрий Пинегин
О троллях, гоблинах и
людях. Книга первая.
Семь лет и семь месяцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571163
ISBN 9785448358951

Аннотация

В этой книге я кратко рассказал о событиях, произошедших со мной за первые семь лет и последние семь месяцев моей жизни. Все персонажи – реальные люди, с которыми мне посчастливилось общаться.

Содержание

Синописис	5
Семь месяцев	7
«Рисуй!»	8
Предыдущая компания	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**О троллях,
гоблинах и людях
Книга первая. Семь
лет и семь месяцев
Дмитрий Пинегин**

© Дмитрий Пинегин, 2016

ISBN 978-5-4483-5895-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синописис

В этой книге, я кратко рассказал о событиях, произошедших со мной за первые семь лет и последние семь месяцев моей жизни.

Все персонажи, реальные люди, с которыми мне посчастливилось общаться. Однако, – это, не совсем обычные люди, на мой взгляд. Они разительно отличаются от остальных, не столько внешне, хотя и это важно, сколько своими поступками, отождествляющими их, со всем известным образами «троллей», «гоблинов» и других мифических персонажей. Возможно мифических персонажей и придумали, наблюдая за некоторыми людьми...

Особым образом в произведении выделены пожилые женщины. Их, все возрастающее влияние на общество, описано в околонуточном жанре.

Основные рассказы разделил между собой краткими эпизодами, ничем не примечательными, но, отвлекающими от главных героев и придающим контраст персонажам, связывая и объединяя их под эгидой названия произведения – «О троллях, гоблинах и людях».

Не преследовал цель, чтобы моя книга походила на те, великие произведения из школьной программы по литературе, которые обязательно надо прочитать и, найдя главный смысл написанного, получить за него оценку. Я хотел, чтобы

мои родители, еще раз ощутили себя молодыми, прочитав и вспомнив былые годы, а мои дети, узнали, как я жил, кем я был, кто меня окружал. Конечно, хотелось, чтобы и читатель, оглянувшись вокруг себя, присмотрелся к окружающим его «троллям», «гоблинам» и людям, ну и решил для себя, кто он, но, это уж, каждый волен выбирать для себя сам, даже «троль».

У всех персонажей, с опозданием, прошу прощения, если мои сравнения показались им обидными, – это только мое восприятие окружающего меня мира, не претендующего на догму.

Семь месяцев

Не встречали в своей жизни гоблинов? Не спешите с ответом...

В августе проходил очередной литературный конкурс, посвященный какому-то «летию» Компании.

В число призеров я не попал. Но приятно порадовало письмо главного редактора

С парой слов: «Снимаю шляпу!» и изумленное выражение лица директора, после

Прочтения рассказа...

Начало рассказа первоначально было лирическим, но пришлось переделать,

Из соображения попадания под эгиду конкурса, что-то вроде «Какую пользу я приношу своей любимой Компании?» или «Ах, какой я молодец, что выбрал такую правильную Компанию!».

«Рисуй!»

«Замечательная у меня работа!

Мудрый начальник, добросовестные трудолюбивые подчиненные.

Каждый день работы, – как бурный горный поток, заставляет полностью окунуться в пучину жизни любимой Компании, забыть о личном, постараться втиснуть в рабочий день немыслимое количество дел...

Но, домой я тоже, иду с большим удовольствием!

Однажды, майским утром, возвращаясь с работы после ночной смены, обычной привычной дорогой, – невольно остановился.

Путь мне преградила надпись на асфальте. Детской рукой было написано:

Рисуй

Слева лежала горка аккуратно сложенных разноцветных мелков, манящая творить.

Я почему-то оглянулся по сторонам, нет ли прохожих, хотя, все-равно бы не стал рисовать. Секунду постояв, я пошел дальше.

Кто он был этот маленький человек с большим сердцем? Зачем оставил первому встречному, возможно, свое самое дорогое на тот момент? Может быть от отчаянья,

Когда, так хотелось порисовать на чистом полотне ас-

фальта новенькими мелками, а непреклонная, опаздывающая на работу мама повела в садик, малыш нашел неожиданный выход, недоступный для понимания нам – взрослым – «Рисуй»; и оставил рядом с напутствием свои драгоценные разноцветные мелки.

Смог бы я так? В детстве, – возможно.

Что осталось такого же чистого, доброго, бескорыстного, идущего от души? Редко

Думал над этим. Наверное, как и все.

Через пару дней надпись почти стерлась, мелки исчезли, никто не рисовал... Остался след в душе и понимание превосходства чистоты детских желаний над всеми моими жизненными успехами.

Не уверен, что после встречи с этой надписью я подверг верификации все свои морально-этические качества. Все та же бурная наполненная перспективами и открывающая новые горизонты работа, еще более амбиционные задачи, еще более сплоченный коллектив... Но иногда, осторожно, рискуя прослыть сумасшедшим, я дарю свои «мелки», в надежде, что и другим они, также станут «напоминалкой» о доброте, живущей в нас с детства, но скрытой за пеленой взрослых проблем...

Пренеприятнейшее выдалось утро, – понедельник, про-

спал на работу, значит буду оштрафован, голова болела, воды горячей нет, «Багира» уронила цветочный горшок с подоконника и играла раскатившейся по всему полу землей, единственные еще налезавшие на меня брюки за белую ночь, так и не высохли. Бывали дни, конечно, и похуже, убедившие меня, что беда – одна не приходит. Веселее от этого, утро, однако, становиться не хотело.

Преодолев все обстоятельства, я наконец-то, вышел из подъезда... и пошел обратно, за зонтом.

Вход в Метро был временно закрыт полицейским милиционером, так, как месяц назад сломался один из четырех эскалаторов, и обозленным трудягам приходилось по 10—15 минут играть в пингвинью стаю, имитируя их походку на пути к заветной двери. Особо одаренные люди-пингвины держали над своей головой раскрытые зонтики, щедро одаривая окружающих, потоками стекающей по ним воды.

Я застрял в толпе на лестнице перед платформой. В первые три поезда сесть не было не единого шанса. За пару месяцев ремонта эскалатора, вполне можно будет выучить пингвинью походку, возможно даже, носить яйца на ботинках.

Среди плотной массы людей-пингвинов, заметил поляну, на ней, в инвалидной коляске, сидел частично парализованный старик и вопросительно пялился, говорящими глазами, на окружающих. Ртом он мог произносить только протяжное, монотонное «а-а-а», видимо, по – этому, усердно по-

могал в общении глазами. Признаться, честно, Вам могу, что я отметил для себя, в Питере, действительно много людей, готовых прийти на помощь. Старика спрашивало сразу несколько людей-пингвинов. Не поняв языка глаз, но согласившихся друг с другом, что старик куда-то собрался и ему надо в эту сторону, втокнули его кресло в поезд, на три раньше моего.

На работе, первое, что я сделал, это принял решение о незамедлительном приобретении в перерыве на обед новой обуви, взамен насквозь промокшей и местами уже расклеившейся. Затем погрузился в раздумья, чем еще могу замаскировать, кроме перегара, запах от высыхающих носков, постепенно захватывающий все большую территорию офиса вокруг меня. Рабочий день выдался особенно долгим, но кончился.

Ощущал, что вместо кваса, который, как воздух, известно, потребен, нуждаюсь в чем-нибудь сороко-градусном. Хуже было сознавать, что по дороге надо выйти из «Метро», затем с одного банкомата снять наличные и положить в другой, для оплаты долга по кредиту, затем обратно спуститься в «Метро», минут на сорок отдалив, все усиливающееся желание забыться.

Подвернув в спешке к банкомату ноющую от пары свежих мозолей ногу, в новых ботинках, я футуристической походкой спустился в «Метро». Не спеша иду к платформе для посадки, стараясь избегать неудачной постановки ног при ходь-

бе, тормозя сзади идущих и порождая в них праведный гнев. Медленно приближаюсь к группе людей возле вагона поезда, узнаю между ними старика в инвалидной коляске, слышу его протяжное, монотонное «а-а-а» ... Его вталкивают в вагон. Я войти не успеваю.

Понимаю, что я почти везунчик, по сравнению со стариком, который целый день, а возможно и не первый, хотя и бесплатно колесит в своем кресле по подземелью. Предполагая, что самостоятельно забраться в «Метрополитен» он не мог, делаю вывод, что ему помогли все те же, всегда готовые прийти на помощь питерские люди.

Только хотел начать повествование о складском «гоблине», как мой начальник предложил заняться подготовкой и реализацией физического разделения перепутанных ювелирных изделий в количестве нескольких сотен тысяч штук на три разных участка хранения. Удивило меня сие потому, что последнее поручение от него, я получал семь дней назад и вдобавок, складской «гоблин» именно этим и занимался...

Предыдущая компания

Был у директора филиала друг... Ну, может и не друг, а родственник, или просто хороший знакомый, – никто этого так и не узнал, знали все только, что это был настоящий «гоблин».

Маленький, худенький с большой всегда опущенной головой с большим носом и остроконечными ушами. Злой и обидчивый, с упорством «дауна».

Конечно, «гоблином» он стал не сразу... Сначала, как настоящего друга, его приняли начальником смены в 120 человек, затем перевели на должность логиста аптечного склада.

Представьте себе футбольное поле. Вот такую площадь занимал склад, нафаршированный тысячами всевозможных таблеток, мазей, грелок и другой жизне-спасающей отравой.

Стеллажи с товаром, всевозможных размеров, объемов и конфигураций. Архитектура склада была рождена безумным техническим гением-злодеем в припадке судорог опистотонуса. Гением, потому что все дальнейшие попытки целого отдела технологии складов облегчить труд бедолаг-кладовщиков по сбору продукции, по заказам аптек, а, соответственно, нуждающихся в лекарственных препаратах больных и просто долгоживущих хитрых бабушек только ухудшали производственные показатели.

Даже купленный за немалые миллионы евро, конвейер

не помогал и филиал был последним в списке из сорока трех городов.

И тут будущего «гоблина» назначили в логисты склада.

Работа на складе остановилась.

Проплавав всю жизнь на флоте и, возможно, решив подлечиться таблетками из складских запасов, будущий складской «гоблин» так и валял складские законы логистики и тут же применял их на хранимой продукции.

Если Вы надумаете, у себя дома, хранить самые «нужные», повседневно используемые вещи, ну как компьютер, мобильный телефон и зубную щетку, например, в сундуке, запертом на замок, который спрячете в другой по – больше и запрете в шкаф, закинув на самую верхнюю полку, с которой его можно снять только со стремянки и только вдвоем и наоборот, самые «бесполезные» архивы из старых школьных тетрадей, приложений и поделок из детского сада разложите на письменном и обеденном столе, крышке унитаза, в раковинах, в душе, на подушках и в любимые тапочки... То, скоро поймете, как его стали ненавидеть рабочие, всего через неделю, получая «денюжки» за количество, ими собранных, «нужных» упаковок.

Находились такие, которым нечего было терять, приходя на работу, кроме собственного перегара и они открыто вдохновляли коллег, если не на убийство, то хотя бы на отстранение от должности этого деятеля, как правило, нецензурно подкрепляя свою правоту.

Тут—то все и заметили, происходящую с человеком «гоблинизацию». Лицо его чернело день ото дня. Разговаривая он смотрел безумными глазами и скрежеща зубами, а если молчал, подбирая наиболее обидчивые слова, то желваки его сокращались, передавая танец злобных мыслей. Но одними эмоциями не ограничивалась «гоблинизация» человека, хотя, и по ним можно было почувствовать, что он способен убить.

Даже не стесняясь присутствия грузчиков, в порывах ярости он выходил на просторный пандус и пинал разбросанные деревянные поддоны. Крушил их с жестокостью берсеркера, добывая их, удушающими движениями ноги, как будто давит на шею своего обидчика.

Убив достаточное количество поддонов, для прекращения скрежета зубов, будущий складской «гоблин» угрюмо возвращался в свой рабочий угол, садился на украденное у меня кресло и начинал гипнотизировать экран монитора.

Воспаленный, не отмщенными обидами ум, рисовал упительные картины паники складских сотрудников, мечущихся, в поисках «нужных» медикаментов, по заявкам аптек, карабкающимся по стремянкам, тянущихся к заветным «нужным» упаковкам и обнаруживающим, что собрали не то... Старух, в ярости разбивающих костылями витрины аптек, потерявших надежду получить прописанные бесплатные пилюли, без которых им не дожить до 200 лет... Уволенного начальника склада, не справляющегося, со своими долж-

ностными обязанностями и много... много, убитых поддонов. Его глаза мечтательно закатывались, переставая гипнотизировать экран, на черное лицо медленно громоздилась ухмылка и новоиспеченный «гоблин» начинал смеяться. Не ощущалось веселья этого смеха, окружающими его в кабинете людьми. Злой смех, передавал не радость переполнявших его эмоций, а насмешку над кем-то...

...проехал свою остановку, отвлеченный воспоминаниями, о складском «гоблине», прибавив десять минут к своему ежедневному двухчасовому пребыванию в питерском «Метро».

Разумеется, как и все гоблины – эти хитрые злые бестии, новый был – педант, и педантично час за часом, день за днем изучал складскую программу, не забывая при этом зло шутить над рабочими, коверкая рейтинги обращения и востребованности товара.

Но, хозяева компании, потеряв несметные миллионы после внедрения «паленой» программы управления складскими запасами на разных филиалах и, основательно залатав ее

до неузнаваемости, практически создав новую, все-таки, атаковали ей последний, самый крупный питерский склад своих владений...

Не сразу до меня дошел смысл следующей фразы: «программа переведена индусами с английского языка на русский». Ужас пользователя данной программы непередаваем! Ему приходится отказаться от привычных русских слов, объясняющих какое-либо действие, понятие или символ и заменить их на придуманное индусами словосочетание из русских букв, передающего, по их мнению, английский исходник, кроме того, необходимо запомнить его и жить с ним.

Положительный же побочный эффект этого программного продукта состоял в излечении складского «гоблина». Он уже не мог навредить товарному потоку, растекающемуся по складским артериям, так как управление ключевыми параметрами велось из головного офиса Москвы, а логика была заложена в самой программе. Прекратившийся поток обид и, даже похвальба, подтолкнули прогресс очеловечивания «гоблина», который прошел очень быстро, превратив его в обычного небольшого, стройного мужчину, оставив к сожалению, черное лицо и злой смех, своему обладателю...

Будучи, непосредственным начальником, этого сотрудника я наблюдал происходящие в нем изменения отнюдь

не пассивно... Но, о своих действиях расскажу позже, если меня не постигнет участь поддона, после опубликования книги...

Для себя же я сделал вывод, столкнувшись по жизни с некоторыми людьми и узнав в них бывших «гоблинов», высоких среди них нет, а значит – высокие люди не подвержены «гоблинизации», но у них очень возможен «троллизм».

«Троллизм» мне встречался в двух видах в семи людях. Первый вид мне наиболее симпатичен, хотя моя задача по нынешней занимаемой должности – именно бороться с ним...

...После безобидного рассказа про генерального директора, который на минутку посетил наш филиал меня уволили. Точнее, мы признались друг-другу я и компания, что мы не подходим друг-другу, после десяти лет работы, десять лет до этого мы признались в этом друг другу с женой, прожив вместе десять лет и столько же проработав в соседних аптеках, утопающего в садах маленького городка... Как тут не поверить в магию чисел, или какую-нибудь закономерность или цикличность? Может, лет через десять туда вернуться...?

Доработавшись до безработного, я решил предаться отдыху, хотя бы на пару недель, перед поиском новой работы...

Через пять месяцев я постепенно начал осознавать кто я, когда деньги кончились... Удалось составить первое в моей жизни резюме. Два месяца проходил собеседования и проверки, жил на то, что попрошайничал у бывшей жены. Хорошо, хоть смог прилично одеться, сдав пустую тару. Когда я сдал все свои пустые бутылки, администрация местного ликероводочного завода предложила мне долгосрочный контракт, на поставку стеклотары и очень огорчилась, узнав, что это одноразовая акция.

И вот 27 марта 2013 года я приперся на новую работу. Начальником у меня был и, слава Богу, есть, настоящий «Троль» (кстати, я сейчас сижу рядом с ним). Скорее всего «Троллем» он был инопланетного происхождения.

Глаза не в верхней части головы, а посередине. Огромный, с внушительным брюшком. Если бы на ходу он волочил за собой по полу здоровенную дубину, ни у кого бы, не осталось и тени сомнения, что перед Вами – «Троль». Но, кроме внешнего сходства необходим внутренний фактор, осуществляющий тождество человека с троллем, а, также особое воздействие на окружающий мир. Но, об этом позже.

Рабочее место мне, он указал пальцем. Палец показывал на широкий длинный, совершенно пустой стол, без ящиков и других излишеств рядом с ним в центре офиса. После трех часов разглядывания карты в мобильном телефоне, меня познакомили с программистом, который принес мне новенький настроенный ноутбук, телефон и какие-то нужные провода. На следующий день я осторожно поинтересовался насчет какого-нибудь поручения.

– Наработаешься еще, – услышал я в ответ...

Прошло два месяца. В компании началась реструктуризация, заключающаяся в сокращении сотрудников на 63,3%. Я, конечно, понимал свою участь и с грустью ждал своей очереди. Платили больше, чем на предыдущей работе.

Попрощался Ай-Ти директор, финансовый директор, директор по персоналу, три директора по брендам, многих прощавшихся я, правда не знал. Прошел уже третий месяц, а я продолжал работать. Вспомнил, глядя на измученное, худое лицо директора по логистике, сидящего напротив меня, его слова:

– ...если я, по каким-то причинам не поем за сутки, у меня руки начинают трястись, я суп ложкой до рта не смогу донести, не расплескав... меня нельзя увольнять.

Сравнивая его с собой, нашел одну из причин пребывания

на рабочем месте.

«Я всегда был мясистым, а после пяти месяцев безработного упоения, покрылся неплохой жировой прослойкой, — лакомый кусочек для любого тролля. Да, в этом мое преимущество, перед директором по логистике и перед другими уволенными.

Хоть я и старался не опаздывать на работу и уходить после некоторой задержки после окончания рабочего времени, мне не удалось прийти раньше и уйти позже начальника «Тролля». Вру, было раз...

Хотя, если его и не было на рабочем месте, это вовсе не означало, что он не на работе. Он всегда присутствовал, но находился либо на совещаниях плановых и других, курил, когда считал нужным, уничтожая сигарету в два вдоха, проводил собеседования с кандидатами, опустошал автомат с продуктами на верхнем этаже, вдохновлял на подвиги нерадивых сотрудников в лабиринтах трех-этажного офиса и последнее, закрывался в мужском туалете в самой большой, подозреваю, специально для него построенной кабинке. Дверь в эту кабинку раз в неделю обязательно чинили. Видимо, он в туалете превращался в «Тролля», у которых не принято стучаться к себе домой, он просто толкал любимую дверь и присаживался куда надо, не зависимо находил-

ся там кто-нибудь или нет...

Все офисные сотрудники с восторгом предвкушали реакцию новичка, прошедшего данный ритуал посвящение в коллеги, когда он с перекошенным лицом и глазами яблоками, на десяток сантиметров, летящих впереди выбежал из мужского туалета.

Так вот, однажды его не было с самого утра до обеда. Отчаявшись его повидать, некоторые заглядывали в туалет, – дверь кабинки была открыта. Телефон свой он всегда оставлял на своем столе, в ближнем, ко мне углу, чтобы я следил и не давал ему падать, когда он съезжал на вибро-вызове. Но телефона не было. На звонки не отвечал...

В детстве, мне посчастливилось, слышать радио-передачу: «Радио-няня». В ней пелось:

Радио-няня... Радио-няня – есть такая передача
Радио-няня... Радио-няня – у нее одна задача, —
Чтоб все девчонки и все мальчишки подружились вместе,
Чтоб всем ребятам, всем труллялятам, было веселей...

Да, это был он, – «Трулляляй». Папаша нес его на руках, как обычного ребенка, во всем, кроме не соответствия, его роста с возрастом. Поставил на пол рядом со мной и сказал ему:

– А ну ка, посмотри, кто, чем дышит, кто, как работает, а кто делает вид, что работает.

Можно подумать, я только сегодня пришел не выспавшийся

ся и с перегаром, кроме того, откуда работе взяться, если он сам не дает мне поручений? А самому себе придумывать, – уже воображение кончилось...

«Трульченок» остался, папаша ушел.

Мало еще труллялящий по-человечески, крошка-сын, оставшись без опеки, побрел по просторному офису, волоча за собой трудно-узнаваемое плюшевое животное, за одну из четырех оставшихся лап. Добравшись до первого стола сотрудника, сидевшего за ним в наушниках и усердно давившего на «клаву», «Труль», осмотрев его рабочее место, решил, что канцелярский набор на нем лишний и смахнул его со стола, нафиг...

Дорогу к следующей жертве преградил строгий директор административной службы.

– Ты чей? Ты бандит?

Наклонившись к нему, спросил он.

«Трульчатая» тут же утвердительно кивнул, распознав вопросительную интонацию, которая, в его возрасте могла означать только одно «Ты голодный? Есть хочешь?», показывая ему, при этом, свою изуродованную зверушку.

– Так!

Выпрямляясь, сказал строгий административный директор и осматриваясь по сторонам, в поисках бестолковой машины подходящих размеров, которая притащила этого разрушителя в режимное помещение, но, обернулся на топот шагов за спиной.

Папаша, тяжело ступая, нес перед собой, колесами вперед, ухватившись за бока, облегченную модель «ДЭУ МА-ТИЗ» из пластика. Чуть не накрыв, вовремя отпрыгнувшего административного директора, поставил машину перед своим «Трульчонком» и сказал:

– Хотел кататься?.. Катись!

И показал вперед, вдоль просторного офисного прохода, упирающегося в женский туалет.

От всей души, посигналив редким пешеходам офисного прохода, так и не тронувшись с места, юный «Трулляенок», вспомнил про не доигранную игру «Ничего лишнего на рабочем столе» и отправился в путь – пешком. По дороге он нечаянно сшиб пару незатейливых девиц, размалеванных, как подполковник Чингачкуг, вышедший на тропу войны, вечно споривших о том, кто же из них первой нарушил договор и стряхнул пепел с сигареты «Мира», на последнем перекуре.

Наигравшись всевозможными предметами со столов сотрудников «Трулька» отправился обратно к своей машине. Шел он быстро, стараясь не упасть и преимущественно не туда, куда хотел, а в ту сторону, в которую наклонялась его сонная большая голова. Зигзагами, добравшись до машины и не найдя вокруг знакомых, он немного призывающе повы-ы-ыл. Потеряв терпение в ожидании отца, отправился напрямик, к ближайшей, сидящей за столом тетке и с нескрываемым намерением поесть и поспать, стал заби-

раться к ней на колени...

«...а как зовут, забыл его спросить...».

Выдали корпоративный номер на новенькой Сим-карте, так было приятно и радостно, «Президент» тариф, звони сколько хочешь, да еще сынишка свой крутой мобильник отдал... Радость временами омрачалась звонками от пожилых дам, с просьбой пригласить некую Веру Григорьевну, также шли крестным ходом СМС-ки, от всевозможных компаний, начинающих со слов: «Уважаемая Вера Григорьевна...». «Уважаемая», видимо успела «засветится» корпоративным номером в половине организаций Питера, имеющих отношение к выдаче займов.

У сидящего напротив меня директора по логистике была та же проблема. К несчастью, он очень болезненно переживал любые несправедливости, происходящие вокруг, и хоть как – то его касающиеся. Разговаривающих с ним людей подозревал, что они намерены его, непременно, обидеть отсутствием своих знаний логистики. Почти в любой теме общения старался привести сравнения с чем-нибудь, чтобы объяснить свою мысль и доказать заблуждения собеседника.

Получив очередную СМС-ку и совершенно подавленный этим фактом, он тут же занимался поиском номера телефона организации в интернете и, дозвонившись, начинал

убеждать не отправлять больше сообщений по этому номеру. Объяснял, что бывшая хозяйка номера, больше не работает в нашей Компании и номер правомерно перешел к нему, а ему некогда отвечать на СМС-ки и что, стекло на его Айфоне треснуто и лишние прикосновения могут окончательно его расколоть, убеждая интонацией голоса собеседника и окружающих, что это было худшее, что случилось с ним в жизни...

Однажды, услышав по телефону: «А Вера Григорьевна...» я ответил, неожиданно для себя «Она померла...».

«Господи, помилуй! Простите, ради Христа!» скороговоркой ответила, пожилая, судя по голосу Дама... Что ж не простить, простил... После подобных ответов, звонков с просьбой пригласить «Уважаемую» становилось все меньше... Однажды, правда, я услышал в трубку: «Ах, Вы негодяй! Почему Вера Гри...», не стал слушать, лишив старуху удовольствия выплеснуть на меня свои скрипучие негодования, а подержать их еще в себе немного. Подозреваю, что она встретила-таки, воскресшую Веру Григорьевну и скорее всего, была разочарована, что она ещё-уже, не на том свете, а возможно это и была сама «Уважаемая»...

Недавно, тариф «Президент» у меня отобрали, заменив на «Локальный», никаких денег на счет больше не приходило от компании и я счел нужным, не оплачивать этот номер, а использовать телефон по прямому назначению, в качестве будильника.

Присматривался к директору по логистике и так и эдак... Нет, не гоблин, не был и никогда не будет. Но и от людей он отличался. Возможно, это разновидность бесхвостых кобольдов.

Его удивительная способность на всех за все обижаться, видимо врожденная, хотя, очень может быть ему в детстве пытались руку или ногу оторвать, возможно, сказались те шестнадцать швов на голове, за которыми он ходил в Армию...

Неоднократно погрузив и по обижавшись, на сотрудников, почту, время, погоду и другие злоключения трудового дня он, на следующее утро всегда приходил улыбающимся, почти счастливым. Подозреваю, дома он, весь список обидчиков заносил в свое левое полушарие планшета из серого вещества, сохранял в памяти, отключал, и продолжал жить с правым полушарием, лелея надежду, однажды, став богатым, знаменитым и великим, – свершить кровавую жатву всех своих раздражителей. Уверен, меня он каждый день сортировал в списке по приоритету в первые ряды.

Другой откровенной его чертой была жеманность и некая театральность в речи, жестыкуляции, телодвижениях, которые вместе с его пусетой в левом ушке наталкивали на мысль, что он-она до 45 лет так и определился к ка-

кой принадлежит категории: «умным» или «красивым». В стремлении показаться изящным, он при чихании аккуратно прикрывал нос тыльной стороной мизинца, причем чихал он тише, чем пукают чопорные аристократические леди в высшем обществе и, конечно, пожелать ему хотелось, вместо «Будь здоров!» – «Чтоб ты сдох!».

Только что, разозлившись на меня, за то, что я спросил у него не то, что он мне хотел объяснить, директор по логистике, посидев в ступоре пару минут, вышел на перекур. Пришел здоровым.

Однажды утром я все-таки попался на его веселость, с которой он повествовал, что за выходные с его рабочего стола пропала баночка с кофе, которую, наверняка, выкрали хозяева кофейного автомата, чтобы заполучить монополию на его мелочь.

Я предложил ему свои впечатления, от недавних, обрушившихся на меня бедах, скорее из намерения поддержать его отправил ему рассказ про старика в «Метро»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.